

Виктор АСТАФЬЕВ: *not*

С Л О В О Ж И Т Ь П О М О Г А Е Т

Писатель Виктор Астафьев обозначил драмой свою новую пьесу «Прости меня», идущую на сцене Вологодского театра юного зрителя. Но, думается, что она вполне отвечает высокому жанру трагедии. Да, это снова о войне. О том, какой след она оставила в душе человека, опаленного ее огнем.

Беседу с писателем ведет наш корреспондент И. МИЗЕНЧИКОВА.

месяцев госпиталя — это часть жизни, не переставшая кровоточить и сегодня. Как, впрочем, и сердце писателя, не переставшее волноваться о судьбах родной земли.

Обо всем об этом сегодня наша беседа. Но прежде всего об увиденном и об Астафьеве-драматурге.

— Виктор Петрович, вы же прозаник. Но вот уже написана и поставлена вторая после «Черемухи» пьеса. Что привело вас в драматургию!

— Сначала, пожалуй, творческое любопытство. Это, вероятно, от натуры зависит. Не люблю ходить проторенными тропами. Ведь чем больше прозаик пишет, тем меньше у него без него нелегко. Очень, очень многое дало мне приобщение к театру. Я открываю для себя какую-то новую жизнь. Когда пишешь книгу — это одно. Написанная, она уходит от тебя, как пароход в море. А на репетиции, на спектакле я жил: там были мои друзья фронтовых лет, было то, что сделало меня сегодняшним. И еще в театре я очень волнуюсь за актеров, сочувствую им, стараюсь понять, когда им трудно проникнуть в мои слова и как я должен им помочь.

— Сначала, пожалуй, творческое любопытство. Это, вероятно, от натуры зависит. Не люблю ходить проторенными тропами. Ведь чем больше прозаик пишет, тем меньше у него без него нелегко. Очень, очень многое дало мне приобщение к театру. Я открываю для себя какую-то новую жизнь. Когда пишешь книгу — это одно. Написанная, она уходит от тебя, как пароход в море. А на репетиции, на спектакле я жил: там были мои друзья фронтовых лет, было то, что сделало меня сегодняшним. И еще в театре я очень волнуюсь за актеров, сочувствую им, стараюсь понять, когда им трудно проникнуть в мои слова и как я должен им помочь.

Да, на отношения с театрами я пожаловаться не могу. Ермоловцы, ставя «Черемуху», отнеслись ко мне хорошо. И сейчас эти человеческие отношения по-прежнему хорошие, несмотря на то, что с пьесой «Прости меня» я из театра ушел. Творчество — вещь серьезная и жестокая. Но творческие разногласия не должны отражаться на отношениях людей. А в нашем Тюзе мне очень

повезло с режиссером Валерием Бароновым. В отличие от режиссеров, считающих себя вправе купировать и исправлять автора, он дорог мне тем, что видит написанное мною так же ясно, как я. Я воздерживаюсь от советов ему, а если могу, стараюсь чем-то помочь. Пьесу «Прости меня» поставили еще и в Ленинграде, пошла она и по стране. Но вологодский спектакль, более традиционный, скупой и вместе с тем внутренне наполненный, мне ближе, чем современный ленинградский, хотя это я говорю без осуждения. Я, может быть, плохой писатель и драматург, но я хочу быть хорошим зрителем, доверяющим театру.

А что касается жанра пьесы, я, конечно, понимал, что это трагедия. Но боюсь высоких слов: трагедия, роман... Постеснялся. А, может быть, и недотанул.

Без строгости к себе вряд ли что может выйти. Драматургия не имеет права показывать фигу в кармане или описывать дачные, морковные страсти. Нельзя в искусстве паясничать. Это очень серьезные вещи — мещанство, воровство, стяжательство. За легкомысленное отношение к ним они могут отплатить своим дальнейшим разгулом.

Мне повезло, я долго прожил в Вологде, в которой серьезно и уважительно относятся к настоящей литературе. Доверие, деликатность, внимание и настоящую заботу проявляют о нас, причем именно заботу, а не мелочную опеку. И терпимость. Я, например, думаю, что благодаря и этому тоже мы сохранили светлое имя поэта Николая Рубцова, широко, по-народному празднуем дни

поэзии Александра Яшина, Сергея Орлова — знаменитых вологжан.

А что, собственно, такое — быть знаменитым? Вон, говорят, один драматург знаменит тем, что голову бреет, другой — в Союз писателей не вступает, этим и известен. Истинно знаменит тот, кого народ сам отыскал в гуще изданной литературы, чье слово людям жить помогает. Так, по-моему.

— Судя по вашим книгам и пьесам, вас очень волнует тема верности человека земле. Ведь действительно стареют села... И, как выясняется, дело не только в заработках, в хлебе насущном (хотя и в этом тоже). Но еще и в среде обитания, в нравственном климате, который складывается в том или ином селе.

Конечно, немало нового в деревнях, это и вселяет надежды. Я говорю о Вологодской области. На той земле, которую до революции мужик задаром от бар не брал, теперь получают немалые урожаи, выращивают великолепный скот. И люди растут, любящие эту землю.

Я знаю колхоз, где вот уже несколько лет подряд десятый класс остается работать дома. Председатель там человек мудрый. Он четко понимает, что одними разговорами о светлом будущем ничего не изменишь. Нужно дело. Нужно, чтобы люди на себе ощутили реальную, конкретную заботу. В селе построен хороший Дом культуры. Для ребят, пошедших в животноводство, — общезжитие.

Да, культурная среда — это очень важно. В мои школьные годы красный карандаш воспринимался как чудо. Бумаги

не было, так мы в церковных книгах между строчек писали. И в это же самое время был у нас замечательный театральный кружок. Я тоже играл — попа с кудельной бородой. И когда я слышу дискуссии о том, возить ли театр в село или село в театр, я вспоминаю свое детство. Начинать, видимо, надо с того, что помогает человеку у себя на месте делать себя Человеком.

Я жил много времени в глухом селе. За те годы, что я там пребывал, нас однажды посетила передвижная зубопротезная мастерская и несколько раз автолавка. Чаше всего приезжал на вездеходе приемищик, которому сельские старушки кружева сдают. Это было большое событие. Жаль только, что старушек тех, тайных чудесного мастерства все меньше остается. Беда нашей сельской культуры в том, что на наших глазах отживает то прекрасное, что веками жило в народе. Области Нечерноземья оголяются и постановление нашей партии очень своевременно принято. Дело ведь в том, что потери житейского порядка ведут к потерям нравственным. Те, кто сегодня покидает село в поисках дополнительных удобств, очень часто теряют себя. И это действительно потери. Приезды театра в село, разного рода культурные десанты — это только подспорье к чему-то главному, что должно быть в самой внутренней духовной жизни деревни.

Не так давно мне довелось присутствовать на конференции «Театр — детям села». Честно говоря, я был несколько озадачен. Я не очень понимаю это разделение: театр и дети,

как не понимаю и другого: литература и дети. Детям надо очень доверять. Если с ними что-то и происходит, то в известной мере случается это и из-за примитивности того искусства, которое принято адресовать детям. Детям, детству очень не хватает разговора на равных. Как это важно, я помню с детства. Детство мое детдомовское прошло в Игарке. Недавно я прочел книгу о Вере Николаевне Пашенной и удивился, что там ничего не написано о том, как она создавала в Игарке театр. Это был прекрасный театр, без которого немыслимо себе представить Игарку тех лет. В городе всего-то тысяч десять жили, а в театре был всегда аншлаг. Я был десяти-, двенадцатилетним мальчишкой, и нашу детдомовскую жизнь без театра просто представить невозможно. И не было никакого детского репертуара. Мы смотрели и «Бесприданницу», и «Прсделки Скапена», и этот взрослый театр ничего в нас не разрушал. Мы к тому времени на многое в жизни нагляделись. А театр был чудом, будит что-то в душе. И в конце концов из нашей братии мало кто стал плохим человеком. Многие погибли на войне. А кто жив — хорошие работники и граждане, семья любят, уже внуков нянчат.

Детству нужен честный с ним разговор, а не лакированное сюсюканье.

— Я вот недавно смотрела по телевизору многосерийный фильм, где о комсомольской стройке химвкомбината рассказывается как о легкой прогулке с песнями и танцами. Может, о трудностях и сложностях побоялись сказать, агитируя молодежь на стройки!

Правда никогда не бывает вредной. Вредны ложь и полуправда. Это очень убедительно доказывается положением дел и в кино, и в литературе. Они, кстати, никогда и не развивались исключительно по восходящей. И это хорошо. Люди, которым исполнилось по 50 и кто сегодня представляет эту литературу, получили возможность остановиться, оглянуться на прожитое, подумать о себе, о времени, о том, что и как сделано. И появилась, ну вот у меня, скажем, не только гордость, но и тревога. А нужно ли то, что я делаю? Кому это нужно? И эти мысли волнуют меня не потому, что я оторвался от народа. От него оторваться невозможно. Тут иное. Мы прошли войну, разбили фашизм, написали и издали тысячи книг миллионными тиражами, построили новые светлые города. А мне вот пришлось однажды выступить в зале, где напротив меня сидели люди с бритыми головами, со взглядом исподлобья. Они попали туда, совершив преступление. И были среди них такие, что совершили преступление не впервые. Это не может не потрясать.

Но зачем так далеко ходить — я возвращаю вас к вечерним электричкам и рабочим поездкам, где порой видишь, как некоторые люди ведут себя адски неуважительно друг к другу.

Очевидно, этому способствует то, что воздействие нашей культуры и житей-бытье иных людей где-то в пути расходятся. С одной стороны, высокие мысли, прекрасные образы. С другой — пьянство, недобросовестное отношение к труду.

Помню, был у меня учитель, Игнатий Дмитриевич Рождественский, он пришел к нам в пятый класс, где я к тому времени пребывал третий год. Он был почти слеп, оттого груб и резок. А мы его любили. За то, что мог целый урок говорить о слове «Яр» — «солнце». И мы учились думать. Он был одаренный человек и свой дар щедро делил с нами.

Да, учитель... И литература учит...

Титаны ее — Толстой, Достоевский — были озабочены мыслью о своем несовершенстве. Когда я думаю о мучительном грузе, который отягощал Лермонтова, я понимаю, почему заглядывал он в бездны — слишком яжек был груз несовершенства и прозрения.

Недавно я встречался с друзьями, с которыми не виделся с войны. Я смотрел и слушал их. Хотелось в чем-то разобраться, что-то понять, я смотрел на тех, кому в войну было по 17—18 лет, как героям моей последней пьесы, и пытался понять через них человеческую сущность. Когда, на каком отрезке пути мы недоделали чего-то очень важного? Да, у нас много театров и книг. Но почему у нас преступность не изжита? Почему так много мещан, оголтелых взяточников и рвачей?

Человека, живущего в обществе, эти вопросы не могут не волновать. Писателя тем более. Также и драматурга. Театр не должен делить жизнь на плюсы и минусы, на черное и белое. Он не имеет права быть только зрелищем, только развлечением.

«Я на земле живу и надо мне глядеть под ноги», — сказал

Сергей Викулов. Надо глядеть. Надо иметь мужество отстаивать то, что считаешь истиной. Меня огорчает рефлексия, уход от прямых разговора о жизни с жизнью, какое-то тепло-камерное отношение к жизни, нагон на себя минора. Я понимаю, темы любви и ожидания вечны. Но есть Блок и Есенин. И есть слезливое претенциозное мелкотемье. Эта болезнь из поэзии странным образом перекочевала в прозу и драматургию.

Меня поражает отсутствие ясной гражданской позиции у некоторых молодых людей. У одного моего знакомого народного артиста сын — физик. Потехи ради он закончил и ВГИК — иногда снимается в кино. И еще балуется литературой. Так вот он не прочь «побаловаться» фразой, все чего-то не нравится ему.

«Ты же пряником кормленный», — говорю ему. — Ты же не видел ни голода, ни вшей, ни смерти! Что ты знаешь о жизни, которую берешься обличать?»

Запретных тем нет. Но надо иметь право. Право биографии. Гражданское мужество наконец. А его часто подменяют бойкостью. Общество наше развивается, в жизни идут сложные процессы — социальные, экономические, политические, и человеку, молодому в особенности, поэтому особенно необходимы цельность, нравственный иммунитет.

Я как-то не сразу обратил внимание на то, что чаще других моих книг на Западе переводится «Перевал». Когда «Перевал» вышел в ФРГ, то их литературоведы объяснили это так: у них в детской литерату-

ре нет активного героя, которому можно и хочется подражать. Нет труда, нет правдивого изображения жизни. И это навело меня на размышления. Я ничего не имею против Карлсона, который живет на крыше, говорящих зверей и различных фантастических образов. Но сейчас их количество ребенка, мне думается, уже утомляет.

Так вот немецкий профессор тосковал по герою, у которого можно поучиться труду. Зарубежного читателя прежде всего, оказывается, заинтересовал труд плотногого, его красота, мужественность.

Да, сегодня, как никогда, необходима активность позиции. Но когда некоторые молодые, размахивая, как знаменем, модным галстуком и попивая сухое вино, «обличают» — я в этом вижу и нашу вину: сколько рефлектирующих, упивающихся своей непонятностью героев породили литераторы чьи произведения, кажется, могли родиться только вдали от жизни.

А вслед за ними идет масса подражательной литературы, отработка уже отработанных пластов. Люди, которые этим занимаются, не ищут своего, делают холодную, прилично удобную прозу, в то время как хочется пусть корявого, но горячего слова, идущего от души.

Одно дело, когда, работая в литературе, ты наваливаешь на себя груз, который может тебя раздавить, а иное — сочинять удовольствие ради.

Моя пауза в работе затянута. Мне хочется пожелать и себе, и другим крепче опереться на свою землю, на людей, которым трудно и полезно жить.

ре нет активного героя, которому можно и хочется подражать. Нет труда, нет правдивого изображения жизни. И это навело меня на размышления. Я ничего не имею против Карлсона, который живет на крыше, говорящих зверей и различных фантастических образов. Но сейчас их количество ребенка, мне думается, уже утомляет.

Так вот немецкий профессор тосковал по герою, у которого можно поучиться труду. Зарубежного читателя прежде всего, оказывается, заинтересовал труд плотногого, его красота, мужественность.

Да, сегодня, как никогда, необходима активность позиции. Но когда некоторые молодые, размахивая, как знаменем, модным галстуком и попивая сухое вино, «обличают» — я в этом вижу и нашу вину: сколько рефлектирующих, упивающихся своей непонятностью героев породили литераторы чьи произведения, кажется, могли родиться только вдали от жизни.

А вслед за ними идет масса подражательной литературы, отработка уже отработанных пластов. Люди, которые этим занимаются, не ищут своего, делают холодную, прилично удобную прозу, в то время как хочется пусть корявого, но горячего слова, идущего от души.

Одно дело, когда, работая в литературе, ты наваливаешь на себя груз, который может тебя раздавить, а иное — сочинять удовольствие ради.

Моя пауза в работе затянута. Мне хочется пожелать и себе, и другим крепче опереться на свою землю, на людей, которым трудно и полезно жить.

ре нет активного героя, которому можно и хочется подражать. Нет труда, нет правдивого изображения жизни. И это навело меня на размышления. Я ничего не имею против Карлсона, который живет на крыше, говорящих зверей и различных фантастических образов. Но сейчас их количество ребенка, мне думается, уже утомляет.

Так вот немецкий профессор тосковал по герою, у которого можно поучиться труду. Зарубежного читателя прежде всего, оказывается, заинтересовал труд плотногого, его красота, мужественность.

Да, сегодня, как никогда, необходима активность позиции. Но когда некоторые молодые, размахивая, как знаменем, модным галстуком и попивая сухое вино, «обличают» — я в этом вижу и нашу вину: сколько рефлектирующих, упивающихся своей непонятностью героев породили литераторы чьи произведения, кажется, могли родиться только вдали от жизни.

А вслед за ними идет масса подражательной литературы, отработка уже отработанных пластов. Люди, которые этим занимаются, не ищут своего, делают холодную, прилично удобную прозу, в то время как хочется пусть корявого, но горячего слова, идущего от души.

Одно дело, когда, работая в литературе, ты наваливаешь на себя груз, который может тебя раздавить, а иное — сочинять удовольствие ради.

Моя пауза в работе затянута. Мне хочется пожелать и себе, и другим крепче опереться на свою землю, на людей, которым трудно и полезно жить.